

Сергѣй Алексѣевичъ Солнцевъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

*Во блаженномъ успеніи вѣч-
ный покой подаждь, Господи,
усопшему рабу твоему, новопре-
ставленному Сергію.*

Мы увѣрены, что эти слова невольно и искренно зазвучать на устахъ многихъ и многихъ въ Смоленской епархіи при нашемъ извѣстіи: въ 4 часа 15 минутъ пополудни 22 іюля сего года, въ Москвѣ, на рукахъ своихъ родныхъ „тихо и безмятежно“ отошелъ въ вѣчность бывший преподаватель Смоленской духовной семинаріи *Сергій Алексѣевичъ Солнцевъ*.

Трудно вообще справляться съ впечатлѣніями въ подобныя минуты, при подобныхъ извѣстіяхъ. Мысль невольно останавливаетъ свою обычную работу, встрѣчаясь—особенно неожиданно—съ фактомъ смерти любимаго и дорогаго чело-вѣка. Вотъ почему мы просимъ милостиваго снисхожденія у

почтателей покойнаго, если наше посильное слово, быть может, не передастъ всего того, чѣмъ бы хотѣлось — вмѣсто надмогильнаго вѣнка — почтить память покойнаго Сергѣя Алексѣевича.

Сынъ діакона села Мытищъ, Московскаго уѣзда, покойный Сергѣй Алексѣевичъ Солнцевъ родился 6 октября 1843 года. Недолго онъ жилъ подъ родительскимъ кровомъ, немного пользовался ласками матери. Семилѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ уже отвезенъ въ г. Дмитровъ и тамъ опредѣленъ въ духовное училище. Отъ природы обладая хорошими способностями, мальчикъ скоро выдѣляется въ школѣ изъ ряда своихъ товарищей и обращаетъ на себя вниманіе училищнаго начальства. Уже на второй годъ, по поступленіи своемъ въ училище, онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ своего класса, — и при томъ сынъ бѣдныхъ родителей — принятъ былъ на стипендію купца Четверикова, которую и сохранилъ за собою вплоть до окончанія полнаго семинарскаго курса. Въ синтаксисіи (такъ назывались въ то время нынѣшніе 3 и 4 классы училища) ребенокъ сильно заболѣлъ золотухою, къ которой скоро присоединилась горячка. Болѣзнь разыгралась на столько, что училищное начальство нашло нужнымъ отправить больнаго на казенный счетъ въ Москву, въ Маріинскую больницу. Тамъ покойный пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Эта продолжительная болѣзнь несколько однако не отразилась на занятіяхъ и школьныхъ успѣхахъ мальчика, и въ 1858 году онъ, по окончаніи училищнаго курса, вмѣстѣ съ другими былъ переведенъ въ Спасо-Виванскую духовную семинарію. Скоро по поступленіи своемъ въ семинарію; покойный заболѣлъ снова. Опять открылась золотуха съ присоединеніемъ на этотъ разъ воспаления въ легкихъ. Больной отправленъ былъ въ Москву въ Петро-Павловскую больницу. Болѣзнь оказалась очень серьезной,

цѣлыхъ пять мѣсяцевъ мальчикъ не вставалъ съ больничной койки и только отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе спасло его отъ смерти. Въ 1864 году покойный окончилъ полный семинарскій курсъ и, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ на казенный счетъ посланъ въ Московскую духовную академію. Въ 1868 году покойный закончилъ свое академическое образование и 14 октября 1870 года опредѣленъ былъ исправляющимъ должность помощника инспектора Смоленской духовной семинаріи, а 24 февраля 1871 года былъ окончательно утвержденъ въ этой должности. 8 августа 1872 года, по представленію педагогическаго собранія Правленія семинаріи, по прочтеніи установленныхъ трехъ пробныхъ лекцій, Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Серафимомъ покойный Сергій Алексѣевичъ опредѣленъ преподавателемъ всеобщей церковной исторіи въ V классъ и исторіи русской церкви въ VI классъ семинаріи. 11 февраля 1875 года, по представленію Совѣта училища двѣиць духовнаго званія, епархіальнымъ Преосвященнымъ онъ опредѣленъ былъ преподавателемъ словесности и исторіи русской литературы въ училищѣ. По опредѣленію педагогическаго собранія Правленія семинаріи съ 1 мая по 12 іюня того же 1875 года бесплатно преподавалъ вмѣсто выбывшаго наставника словесности въ I классъ семинаріи. 24 октября 1876 года указомъ Правительствующаго Сената, за выслугу лѣтъ, произведенъ въ коллежскіе ассесоры. 29 декабря 1877 года общимъ собраніемъ Правленія семинаріи избранъ и епархіальнымъ Преосвященнымъ утвержденъ членомъ педагогическаго собранія Правленія семинаріи. 16 января 1878 года, по представленію Совѣта училища двѣиць духовнаго званія, епархіальнымъ Преосвященнымъ опредѣленъ преподавателемъ церковной исторіи всеобщей и русской въ училищѣ. 1 марта того же года удостоенъ степени кан-

дидата богословія. 28 мая 1879 года за отличо усердную службу Всемилостивѣйше награждень орденомъ св. Станислава 3-й степени. 29 сентября 1880 года общимъ собраніемъ Правленія семинаріи избранъ и епархіальнымъ Преосвященнымъ утверждень членомъ распорядительнаго собранія Правленія. 24 октября 1880 года указомъ Правительствующаго Сената произведень, за выслугу лѣтъ, въ надворные совѣтники. 8 ноября 1883 года резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Нестора, опредѣлень преподавателемъ русской и гражданской исторіи въ V классъ Смоленскаго женскаго епархіальнаго училища. 7 октября 1884 года предложеніемъ Его Преосвященства назначень членомъ педагогическаго и распорядительнаго собранія Правленія семинаріи. 24 октября того же года указомъ Правительствующаго Сената произведень, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники. 2 октября того же года резолюціей Его Преосвященства назначень редакторомъ Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. 13 іюня 1886 года за отличо усердную службу и особенные труды по оной Всемилостивѣйше награждень орденомъ св. Анны 3-й степени. Съ 7 по 15 августа того же 1886 года, по опредѣленію епархіальнаго Преосвященнаго, исправлялъ должность инспектора семинаріи. 26 января 1888 года резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Нестора, назначень членомъ комитета по постройкѣ новыхъ и ремонту существующихъ зданій семинаріи. 24 октября того же 1888 года указомъ Правительствующаго Сената, за выслугу лѣтъ, произведень въ чинъ статскаго совѣтника.

Этимъ и заканчивается формулярный списокъ службы покойнаго Сергѣя Алексѣевича Солнцева при Смоленской духовной семинаріи. Отъ природы человекъ очень крѣпкаго тѣлосложенія, обладая все время своей службы въ семинаріи

прекраснымъ здоровьемъ, покойный еще въ концѣ 1887 года вдругъ, совершенно неожиданно для себя самого и къ крайнему удивленію своихъ знакомыхъ, захворалъ разстройствомъ нервной системы. Совѣты мѣстныхъ врачей, къ которымъ немедленно обратился покойный за помощію, не привели ни къ чему. Болѣзнь быстро стала развиваться и расшатывать дотошъ крѣпкій, богатырскій организмъ покойнаго. На глазахъ у всѣхъ покойный Сергѣй Алексѣевичъ таялъ, какъ свѣчка. Развилась крайняя худоба тѣла, явились обмороки, параличныя состоянія отдѣльныхъ частей тѣла и т. п. Къ концу 1888 года состояніе больного уже настолько ухудшилось, что онъ рѣшилъ обратиться за медицинскою помощію въ Москву, куда и отправился 1 декабря 1888 года. Въ Москвѣ покойный пробылъ съ 1 декабря 1888 года по 31 марта 1889 года. Разрушительное дѣйствіе болѣзни было приостановлено, но самая болѣзнь не могла быть совершенно удалена изъ организма. Для радикальнаго излѣченія больному посоветывали въ Москвѣ ѣхать на минеральныя воды Кавказа, куда онъ, скоро же по своемъ возвращеніи изъ Москвы, именно 20 мая 1889 года, и отправился. Къ концу августа мѣсяца, къ началу занятій въ семинаріи, покойный вернулся съ Кавказа и, повидимому, съ обновленными силами. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ сознавалъ самъ. Но это только по видимому. Съ большимъ трудомъ для себя покойный велъ въ 18⁸⁹/₉₀ учебномъ году занятія въ духовной семинаріи, отказавшись уже совершенно отъ уроковъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Силы его съ каждымъ днемъ падали все больше и больше. Въ маѣ мѣсяцѣ 1890 года онъ снова вынужденъ былъ отправиться въ Москву и лечь тамъ въ больницу. Лѣто 1890 года опять принесло облегченіе больному и при томъ настолько, что онъ сталъ было уже вѣрить въ полное свое

выздоровленіе. Но это новое временное облегченіе, какъ оказалось потомъ, было только затишьемъ передъ бурей. Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1890 года болѣзнь настолько усплилась, что покойный съ болью на сердцѣ вынужденъ былъ прекратить свои занятія въ семинаріи. Съ каждымъ днемъ ему становилось все хуже и хуже. Явились: одышка, сильныя головныя боли, наконецъ параличъ языка и мозговой оболочки. вмѣстѣ съ этимъ усилились обморочныя состоянія. Больной жилъ уже безсознательною жизнью. Одно время все были даже увѣрены, что не только дни, но и минуты Сергѣя Алексѣевича сочтены. Дано было знать роднымъ въ Москву. Съ большими предосторожностями и страхомъ за жизнь покойнаго, послѣдній 24 ноября 1890 года былъ перевезенъ изъ Смоленска въ Москву — въ квартиру родного брата, состоящаго псаломщикомъ при одной изъ Московскихъ церквей. Въ Москвѣ въ состояніи здоровья покойнаго долго незамѣчалось никакой перемѣны къ лучшему. Два докторскихъ консиліума не принесли больному никакой пользы. Въ качествѣ лекарства доктора прописывали ему уже только морфій, имѣвшій цѣлю хотя немного успокоить больнаго и уменьшить его страданія, которыя теперь сказывались въ почти непрерывныхъ судорогахъ лица, рукъ и ногъ. Въ такомъ положеніи больной находился до марта мѣсяца. Въ мартѣ, къ удивленію окружающихъ его докторовъ и радости родныхъ, покойный Сергѣй Алексѣевичъ Солнцевъ вдругъ сталъ поправляться самъ собою. Нервы начали крѣпнуть и все вообще симптомы болѣзни незамѣтно проходятъ. Выздоровленіе пошло настолько быстро, что уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ покойный чувствовалъ себя вполне хорошо. Заамѣчалось только нѣкоторое ослабленіе памяти и незначительное параличное состояніе языка. Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца покойный вмѣстѣ съ семействомъ своего брата переѣхалъ на дачу,

подъ Москву. Тамъ онъ пребылъ до іюля мѣсяца. Къ этому времени онъ чувствовалъ себя уже совсѣмъ почти здоровымъ и даже въ началѣ іюля вмѣстѣ съ родными и знакомыми, прїѣхавшими изъ Смоленска, посѣтилъ въ Москвѣ французскую выставку. Такъ продолжалось до 17 іюля. Въ этотъ день покойный съ утра еще сталъ жаловаться на головную боль. Къ вечеру открылся небольшой кашель. Приглашенный врачъ назвалъ болѣзнь инфлуэнціей и не нашелъ въ положеніи больного ничего опаснаго. Но уже на другой день вечеромъ врачъ объявилъ, что у больного начинается крупозное воспаленіе лѣваго легкаго и посовѣтывалъ ему лечь въ постель. Надломленный и крайне обезсиленный прежнею болѣзнію организмъ покойнаго уже не могъ больше бороться съ новымъ—и такимъ сильнымъ недугомъ. 22 іюля положеніе больного было уже безусловно опаснымъ. Въ 5 часовъ утра 22 іюля родные нашли необходимымъ пригласить священника, который исповѣдывалъ и прїобщилъ больного св. Тайнъ. Въ 11 часовъ дня больной лишился сознанія. Снова былъ приглашенъ священникъ и надъ больнымъ совершено было таинство елеосвященія; а въ 4 часа 15 минутъ пополудни страдалецъ навсегда покончилъ съ своими земными страданіями и отдалъ духъ свой Богу. Погребеніе почившаго состоялось на Ваганьковскомъ кладбищѣ 24 іюля. Въ числѣ священниковъ, совершавшихъ отпѣваніе тѣла, присутствовалъ и бывший сослуживецъ покойнаго по Смоленской духовной семинаріи о. Іоаннъ Александровичъ Морошкпнъ, состоящій въ настоящее время священникомъ при одной изъ Московскихъ церквей.

Такъ прошла и такъ закончилась земная жизнь одного изъ видныхъ и честныхъ тружениковъ—преподавателей Смоленской духовной семинаріи.

Долго и долго да живетъ его память въ стѣнахъ Смолен-

ской духовной семинаріи, которой, въ теченіе своей двадцатилѣтней службы, онъ отдалъ свои лучшія силы, посвятивъ свои лучшія думы и желанія; да навсегда запечатлѣется его свѣтлое имя въ сердцахъ его многочисленныхъ питомцевъ, для которыхъ онъ былъ истиннымъ учителемъ.

Да, недаромъ прошла трудовая жизнь покойнаго Сергѣя Алексѣевича. Яркіе, осязательные слѣды оставила она за собою и въ епархіи, среди епархіальнаго духовенства, и въ самой семинаріи, на ея административно — педагогической жизни.

Въ различныхъ уголкахъ Смоленской епархіи разсѣяно болѣе 700 непосредственныхъ питомцевъ покойнаго. И мы увѣрены, что ни одинъ изъ нихъ никогда не произносилъ и не произнесетъ его свѣтлаго имени иначе, какъ съ искреннею признательностію и благодарностію. Причиной этого заключается въ тѣхъ сѣменахъ добра и правды, которыя глубоко западали въ юныя, впечатлительныя души слушателей на классныхъ урокахъ покойнаго. Не матеріальная только сторона уроковъ связывала учителя съ учениками. Покойный умѣлъ съ первыхъ же своихъ словъ устанавливать между собою и классомъ брѣвкую нравственную связь. И разъ установленная, она затѣмъ уже не прекращалась въ теченіе всего дальнѣйшаго курса. Вотъ эта-то нравственная связь давала покойному возможность имѣть на учениковъ то громадное нравственное вліяніе, какимъ онъ пользовался среди нихъ въ теченіе всей своей двадцатилѣтней службы въ семинаріи. Мы хорошо помнимъ время своей школьной жизни. Какъ сейчасъ предъ нами ходитъ медленными, ровными шагами по классу покойный Сергѣй Алексѣевичъ, выслушивая отвѣты учениковъ. Спокойствіе, нѣкоторая величавость въ поступи и движеніяхъ, увѣренность и сила, дышавшая во всей фигурѣ покойнаго, твердая, глубоко-про-

думанная и основательная рѣчь — все это невольно производило самое глубокое впечатлѣніе на учениковъ. Дисциплина и самая строгая водворялась въ классѣ сама собою, ученики какъ-то невольно проникались сознаниемъ важности переживаемой ими минуты и вели себя въ классѣ безукоризненно. Ни замѣчаній, ни тѣмъ болѣе упрековъ и выговоровъ по адресу учениковъ учителю дѣлать не приходилось. Да они были и не въ характерѣ покойнаго Сергѣя Алексѣевича. Онъ никогда не былъ сторонникомъ внѣшнихъ механическихъ мѣръ и въ воспитательномъ дѣлѣ не признавалъ за ними никакого значенія. Вотъ почему мы не помнимъ ни одного случая, когда бы покойный обратился къ ученику съ какимъ либо формальнымъ выговоромъ въ классѣ, а тѣмъ болѣе наложилъ бы на него какое либо наказаніе. Его рѣчь къ ученикамъ была постоянно одинаково ровная, спокойная и мягкая. Необыкновенная выдержанность и замѣчательный нравственный тактъ были всегдашними отличительными ее чертами. Это всегда производило чрезвычайно глубокое дѣйствие на учениковъ: невольно зарождались въ нихъ чувства искренняго уваженія и самой чистой, горячей любви къ своему учителю. Какія бы то ни было недоразумѣнія, а тѣмъ болѣе непріязненные отношенія учениковъ къ учителю становились уже рѣшительно невозможными. Да ихъ никогда и не было. За все время своего воспитанія въ семинаріи мы не помнимъ ни одного случая не только какой либо дерзости, но даже простого неуваженія или неповиновенія покойному Сергѣю Алексѣевичу со стороны учениковъ. Его слово было всегда свято для его питомцевъ и всегда глубоко цѣнилось ими. Деликатность покойнаго въ отношеніи учениковъ доходила до того, что онъ, бывало, никогда не дасть замѣтить ученику, что тотъ не знаетъ урока. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ обыкновенно такъ. Замѣтивши, что

ученикъ не знаетъ урока, или знаетъ его, но очень слабо, покойный Сергѣй Алексѣевичъ, бывало, никогда не посадить сразу такого ученика на мѣсто, а при помощи цѣлаго ряда наводящихъ вопросовъ заставить его передать все содержаніе урока и только тогда уже скажетъ ему свое обычное: „довольно“. Такая тактика, неоскорбляя оффициально ученика, въ то же время приносила послѣдному самую дѣйствительную пользу. Нужно было видѣть, съ какою нравственною болью, съ какимъ нравственнымъ страданіемъ провинившійся ученикъ давалъ самые односложные отвѣты на непрерывающіеся, подробные, обстоятельные, — заключавшіе въ себѣ часто и самые отвѣты, — вопросы покойнаго. Это было для провинившагося истиннымъ наказаніемъ и надолго отбивало у него охоту лѣниться по церковной исторіи. Будучи крайне вѣжливъ и деликатенъ въ отношеніи учениковъ, покойный Сергѣй Алексѣевичъ въ то же время питалъ къ нимъ самое широкое довѣріе. Онъ никогда не имѣлъ привычки такъ называемаго „подавливанія“ учениковъ. Ученикъ почти безошибочно могъ всегда рассчитать, когда, въ какой день онъ долженъ отвѣчать по церковной исторіи; а лучшихъ учениковъ покойный даже никогда не спрашивалъ „на учебникѣ“, ихъ обязанность была воспроизводить предъ цѣлымъ классомъ на другой день <лекціи> покойнаго, составлявшіе дополненія къ учебнику. Такъ уже было принято у него, такъ всё ученики и знали. И между тѣмъ ученики никогда не злоупотребляли довѣріемъ покойнаго, учились всегда регулярно и на годовыхъ экзаменахъ давали по церковной исторіи всегда блестящіе отвѣты. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что классные уроки покойнаго отличались всегда строгою обдуманностію, интересомъ и содержательностію. Покойный въ своихъ <лекціяхъ> съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ сгруппировать историческіе факты и передать

ученикамъ историческое событіе въ яркой, цѣльной картинѣ. У многихъ изъ бывшихъ слушателей покойнаго Сергѣя Алексѣевича, вѣроятно, и до сего времени сохранились записи его «лекцій» по отдѣльнымъ историческимъ вопросамъ. Если бы собрать эти записи и издать въ память любимаго учителя, то онѣ, составивши собою большой томъ, были бы несомнѣнно очень цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу.

Тою же искренностію и сердечностію отличались и отношенія воспитанницъ Смоленскаго епархіальнаго женскаго училища къ покойному Сергѣю Алексѣевичу, гдѣ послѣдній преподавалъ въ разное время словесность, исторію литературы, русскую и гражданскую исторію. Благодаря своему педагогическому такту, мягкому и гуманному отношенію къ воспитанницамъ, покойный и тамъ, съ первыхъ же дней своего поступленія въ училище, завоевалъ общія симпатіи, которыми и пользовался до самаго конца своей службы въ училищѣ.

Какъ мы сказали выше, покойный Сергѣй Алексѣевичъ Солнцева общимъ собраніемъ Правленія семинаріи избранъ былъ въ 1877 году членомъ педагогическаго собранія, а въ 1880 году — и членомъ распорядительнаго собранія Правленія семинаріи. Эти обязанности члена Правленія покойный несъ до самаго послѣдняго времени и только тяжелая болѣзнь и полная невозможность продолжать службу при семинаріи вынудила его отказаться отъ нихъ. Такое долговременное пребываніе покойнаго у самаго кормила Правленія семинаріи не могло, конечно, не отразиться на общемъ теченіи административно-педагогической жизни семинаріи. Покойный Сергѣй Алексѣевичъ никогда не былъ въ Правленіи семинаріи только «сидящимъ и внимающимъ». Нѣтъ, онъ пред-

ставлялъ тамъ собою живую, дѣятельную силу, чутко при-
слушиваясь къ разнообразнымъ явленіямъ семинарской жизни
и принимая всегда самое горячее участіе въ разрѣшеніи
различныхъ осложненій этой жизни. Никогда не принадлежа
къ какимъ либо, такъ называемымъ, партіямъ, покойный
всегда судилъ о дѣлахъ только по указанію своего личнаго
сознанія, руководствуясь только своимъ личнымъ чувствомъ
правды. И прежде чѣмъ сказать свое окончательное слово о
дѣлѣ, покойный всегда желалъ сначала изучить это дѣло
самымъ подробнымъ и самымъ всестороннимъ образомъ.
Только тогда уже онъ высказывалъ свое «мнѣніе». Отъ
этого въ Правленіи семинаріи онъ часто казался нѣсколько
медлительнымъ и недостаточно подвижнымъ въ своихъ дѣй-
ствіяхъ и сужденіяхъ. Но за то нерѣдко случалось, что его
спокойная, всегда ровная, но твердая, строго обдуманная
рѣчь давала дѣлу совершенно неожиданный оборотъ. И во-
обще въ семинарскомъ архивѣ, несомнѣнно, найдется много
и много такихъ дѣлъ, которыя получили то или другое на-
правленіе только благодаря вліянію свѣтлаго ума, твердой воли и
добраго сердца покойнаго Сергѣя Алексѣевича Солнцева.

Назначенный въ октябрѣ мѣсяцѣ 1884 года редакторомъ
Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, покойный, какъ и
всегда, всею душою своею отдался своимъ новымъ обязан-
ностямъ. Эти обязанности къ тому же вносили живой инте-
ресъ, существенное развлеченіе въ его монотонную, одно-
кую домашнюю жизнь. Онъ горячо полюбилъ редакторскія
занятія и только крайняя необходимость заставила его раз-
статься съ ними. Какъ редакторъ Смоленскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей, покойный имѣлъ несомнѣнный литератур-
ный вкусъ. №№ Епархіальныхъ Вѣдомостей, редактирован-
ные имъ, отличались и строгою обдуманностію и хорошимъ

подборомъ статей, а нерѣдко и полнымъ литературнымъ интересомъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о покойномъ Сергѣѣ Алексѣевичѣ, какъ частномъ человѣкѣ. Лицъ, чьей судьба такъ или иначе сближала съ покойнымъ, поражала въ немъ прежде всего рѣдкая снисходительность къ другимъ и глубокая вѣра въ людей вообще. Никогда самъ не позволяя себѣ никакихъ рѣзкихъ сужденій въ отношеніи другихъ, онъ всегда старался подыскать извиняющія и оправдывающія обстоятельства, если ему приходилось выслушивать такія сужденія отъ другихъ. Человѣкъ съ его внутреннимъ міромъ, какъ отображеніе образа Божія, былъ для него *святинею*. Эта черта характера покойнаго въ связи съ его всегда ровною, спокойною рѣчью, мягкимъ, ласкающимъ выраженіемъ лица и доброю, тихою, нѣсколько грустною, улыбкою невольно располагала къ нему каждого. И нѣсколько непогрѣшая противъ истины, мы смѣло можемъ сказать, что у покойнаго Сергѣя Алексѣевича были искренно любившіе его и сердечно преданные ему друзья, но враговъ не было. Обладая добрымъ, любящимъ сердцемъ, покойный былъ чрезвычайно отзывчивъ на горе и нужды другого. Далеко не одинъ изъ учениковъ покойнаго, обратившихся къ нему за совѣтомъ и помощію въ тяжелую минуту своей жизни, вышелъ изъ его квартиры съ облегченнымъ сердцемъ и новою вѣрою въ будущее. Хорошо помнить и многіе товарищи покойнаго то искреннее горячее, родное участіе, которое онъ всегда принималъ въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Рѣдко появлялся покойный въ мѣстномъ кружкѣ знакомыхъ. Тихій, молчаливый, домашній кабинетъ — вотъ та сфера, гдѣ онъ обыкновенно любилъ проводить свое время, по окончаніи классныхъ занятій. Тамъ

среди книгъ, ученическихъ тетрадей и №№ Епархіальныхъ Вѣдомостей находилъ онъ свой жизненный интересъ, тамъ заключались и всѣ его радости. Это добровольное затворничество, соединенное къ тому же съ полнымъ одиночествомъ, быть можетъ и дало возможность развиться той нервной болѣзни, которая потомъ въ конецъ сломила и разрушила крѣпкій, могучій организмъ покойнаго. Тамъ по крайней мѣрѣ утверждали врачи, пользовавшіе покойнаго. Но предпочитая обществу свой одинокій кабинетъ, покойный очень любилъ, если его навѣщали товарищи по службѣ и хорошіе знакомые. Онъ превращался тогда въ самаго радушнаго, гостепріимнаго хозяина, былъ радъ, какъ ребенокъ, и рѣшительно не зналъ, чѣмъ бы только занять гостей и угодить имъ. И много самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ чистыхъ впечатлѣній выносили каждый разъ посѣтители изъ квартиры хозяина.

Вѣчный и свѣтлый миръ праху твоему, добрый, честный человекъ и истинный труженикъ науки.

Н. Соколовъ.

Чудодѣйственная помощь преподобнаго Сергія Радонежскаго, по молитвамъ матери.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ холеру 1855 года умеръ мой отецъ; мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ, учился я въ высшемъ отдѣленіи Смоленскаго духовнаго училища, мои успѣхи въ наукахъ были посредственные. Это, а также и раннее вдовство, огорчали мать мою; меня не принимали на казенное содержаніе за множествомъ сиротъ, хотя и удостоили перевода въ семинарію, но тамъ, при повѣрочномъ экзаменѣ, бывшій инспекторъ оной архимандритъ В—нъ, за незнаніе наизусть утрав-